

Н.М. КАРАМЗИН: У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Н.М. Карамзин занимает особое место в истории отечественной культуры. Завоевав сердца образованных читателей, уже знакомых с европейской классикой как автор «Бедной Лизы» он создал многогранную «Историю государства Российского», открывшую им в буквальном смысле глаза на собственную историю. Трудно переоценить силу воздействия его «Истории» на общественное сознание и мировосприятие современников. После знакомства с ней российская общественность почувствовала невозможность оставаться в прежнем умственном и нравственном состоянии, в прежних размышлениях над историей и судьбой России. Книга, создавая ощущение причастности к истории страны, формировала *позитивное национальное самосознание*, вектором которого становилось осознание своей принадлежности не только к собственной культуре, но к культуре и историческим судьбам всего человечества. Это обращало общественную мысль к философскому осмыслению исторических событий, к разработке проблем, определивших на долгое время парадигму интерпретации взаимосвязи исторического знания и философии, круг их общих научных интересов. Можно сказать, что «История государства Российского» проложила путь к взаимопониманию историков и философов, результатом которого стало появление и развитие отечественной философии истории (Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, Вл. Соловьев, Н.И. Кареев). Что дает основание для такого суждения?

Во-первых, Карамзин увидел российскую историю в *беспрерывном потоке перемен* — в обычаях и умах людей, в государственных законах, в разнообразных уложениях и формах правления. В выявлении внутренней связи между ними видел свою задачу как историка. «Не позволяя себе никакого изобретения, — писал он, — я искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал переданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность»¹. Этот принцип отношения к исторической реальности через некоторое время найдет философское обоснование в концепции Грановского истории как *живого организма*. Карамзина не раз упрекали в том, что его взгляд на историю не строился на признанной европейскими историками идее общих исторических закономерностей (Н.А. Полевой, В.О. Ключевский). Упрек не совсем корректен: мысль об общих законах истории в начале XIX в. еще не обрела в российском общественном сознании черты концептуальной идеи и потому Карамзин не мог руководствоваться ею. Его научная заслуга состоит в признании *законосообразной «текучести» истории*, в рассмотрении ее движения по траектории, вычерчиваемой переменами, происходящими в «гражданском бытии людей».

Во-вторых, Карамзин уловил в истории *взаимосвязь всех форм общественной жизнедеятельности*, ее соотнесенность с развитием форм государственного устройства, духовно-нравственной жизни народа, национальной культуры страны. Начиная с его «Истории» утверждается общая исследовательская линия включения исторических событий в соотносящийся с ними по времени социально-культурный контекст. В следовании этому принципу Карамзин видел отличие историка от летописца: «Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый — на свойство и связь деяний; может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место»². Примечательны в этой связи его предсмертные слова о восстании декабристов, сказанные Николаю I: их заблуждения — это заблуждения века. Российская история предстала в изложении Карамзина во взаимосвязи форм людской жизнедеятельности, каждая из которых играла *свою роль* в общем движении от войн к миру, от царствования одного самодержца к правлению другого, от одной эпохи к следующей, от прошлого к будущему в общем движении народа от дикости к цивилизации.

В-третьих, Карамзин выявил *человеческое измерение* исторического процесса, «населив» свою «Историю» правителями и историческими деятелями, проявляющими себя в разных ситуациях добродетельными и порочными, трусливыми и смелыми, решительными и сомневающимися, сильными и слабыми, но всякий раз включенными в свое время, вне контекста которого их действия (как и само историческое знание) лишаются адекватного объяснительного основания. Преимущества выбранного подхода очевидно проявились при описании опричнины в царствование Ивана Грозного, позволив Карамзину подвести читателя к выводу о ее губительном влиянии на жизнь следующих поколений — общее падение нравственности, жестокость, возведенная в принцип государственного управления. В рамках выбранного Карамзиным подхода нравственные понятия «добро» и «зло» наполнились *историософским содержанием*, что позже определило их включение в качестве философских концептов в построения Вл. Соловьева, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова. Можно сказать, что Карамзин предостерег отечественную философию истории от абсолютизации роли общих закономерностей в историческом исследовании, интуитивно почувствовав, что излишнее фиксирование внимания на них может рождать пренебрежение фактами, недопустимое для историка. В пренебрежении историческими фактами Карамзина упрекнуть нельзя, а увидеть в их описании философский интерес — нетрудно. Не случайно Б.М. Эйхенбаум назвал Карамзина «нашим первым философом».

В-четвертых, Карамзин, инициировал интерес к эпистемологической составляющей исторического знания. Историк не может и не должен оставаться безучастным наблюдателем. Адекватному описанию истории не противоречит экзистенциальное включение в исследуемый материал, погружение в

духовный опыт, складывающийся из сплава умозаключений и нравственно окрашенных образов. Через некоторое время развернутое обоснование этого исследовательского принципа найдем у И.В. Киреевского в его учении о «живознании» как единстве (мере) рационального и духовно-нравственного в познавательном процессе. В определенном смысле именно к творчеству Карамзина уходят истоки характерного для отечественной философии истории подхода, *дозволяющего нравственную оценку* в осмыслении исторических событий. Конечно, Карамзин видел возможные «издержки» такого рода субъективизма и потому предупреждал: историк имеет право на него лишь при условии, если в полной мере учитывает систему ценностей той исторической эпохи, которая стала объектом его интереса. «Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится и малому не давать прав великого», — писал он в Предисловии своей «Истории»³.

В-пятых, Карамзин первым развернул тему «Россия—Европа» в сторону проблемы связи национального и общечеловеческого в движении истории. Убеденный, что Россия с древнейших времен занимает достойное место среди европейских народов, он предостерегал от соблазнов почвеннических настроений, отстаивая разумность и позитивность позиции будущих западников. «Все народное, — убеждал он в «Письмах русского путешественника» (1796), — ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!»⁴ Вместо религиозной идеологемы «Москва — третий Рим» им была предложена светская идея связи России с западноевропейской историей и культурой. В повествовании историка Россия предстала полноправным членом общей семьи европейских народов. Одновременно он умело наставлял современников и будущие поколения на воспитании в себе чувства патриотизма: «Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого, и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особую прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем»⁵. Любовь к Отечеству через осознание причастности к истории своей страны есть та духовно-культурная основа, считал Карамзин, которая является залогом личностного совершенствования и исторического движения народа по пути цивилизационного развития.

«История государства Российского» Н.М. Карамзина — это глубокое по намеченным автором философским проблемам и богатое по используемым источникам историческое повествование (половину его текста

занимают Примечания, к которым и сегодня обращаются исследователи), блестяще выполненное в литературном жанре документальной прозы. Органичное сочетание научности и художественности делает его знаковым памятником русской культуры XIX в., подтверждая свое непреходящее значение для ее последующего развития. «История» убеждает нас, что и сегодня, в далекое от утопических надежд время, «благотворная власть ума» способна «учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье». Во всяком случае, возразить на это автору у нас нет ни морального права, ни веских доводов разума.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. 1. – М., 1989. С. 20.

² Там же. Примечательно, что с этой же мысли, выраженной еще более определенно, Карамзин начинает свою «Записку о древней и новой России», написанную им в 1811 г.: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее. Одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее» (Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. – СПб., 1914. С. 1). «Записка», к сожалению, только через четверть века была частично опубликована («Современником»), а полностью – в 1914 г.

³ Там же. С. 18.

⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – М., 1983. С. 321.

⁵ Карамзин Н.М. История государства российского. Т. 1. С. 14.

REFERENCES

Karamzin N.M. *History of Russian state*. 12 volumes. Vol. 1. Moscow, 1989 (in Russian). 637 p.

Karamzin N.M. *A note on the ancient and the new Russian*. Saint Petersburg, 1914 (in Russian).

Karamzin N.M. *Letters of Russian traveler*. Moscow, 1983 (in Russian).

Аннотация

В статье рассматривается творческое наследие Н.М. Карамзина как предвестника отечественной философии истории. В этой связи автор обращает внимание на реализованные им исследовательские принципы в изложении российской истории, определившие будущее сближение исторического знания с философией на пути становления отечественной философии истории.

Ключевые слова: исторический процесс, Российская история, самодержавие, российское просвещение, историческое знание, принципы исторического повествования, Карамзин, отечественная философия истории.

Summary

The article discusses about the heritage of N.M. Karamzin as a harbinger of the national history of philosophy. In this regard, the author draws attention to the research of implemented principles, presented him in Russian history, which determined the future of conceptual convergence of historical knowledge with the philosophy on the way of creation of thenational history of philosophy.

Keywords: The historical process, Russian history, the autocracy, the Russian education, historical knowledge, the principles of the historical narrative, Karamzin, the national philosophy of history.